Культурные ценности и культурное наследие: «борьба понятий» в международном праве?

Манлио Фриго*

Влияние традиций внутригосударственного права на разработку многоязычных международных конвенций

В международном обычном праве имеется норма, устанавливающая незаконный характер разрушения, хищения, разграбления или конфискации произведений искусства и иных культурных ценностей, принадлежащих государству или частным лицам, в ходе вооруженных конфликтов. Вышеназванные деяния считаются незаконными, по крайней мере, после появления соответствующей нормы в Гаагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны, принятой на первой (1899 г.) и пересмотренной на второй мирной конференции (1907 г.), а также в Гаагской конвенции 1907 г. о бомбардировании морскими силами во время войны.

Хотя такое вступление представляется верным и ясным, по поводу некоторых упомянутых в нем понятий и, как следствие, рамок защиты, предоставляемой соответствующими международными правовыми нормами, могут возникнуть сомнения. Невозможно определить рамки международно-правовой защиты, не определив сферу применения данных норм.

Некоторые авторы правовой доктрины затруднялись дать единое и приемлемое для всех определение интересов и ценностей, находящихся под защитой, подчеркивая при этом различие между понятием «культурные ценности» (cultural property) и понятием «культурное наследие» (cultural heritage)[1].

Как известно, первым документом международного права, где был использован термин культурные ценности, была Гаагская конвенция

* Преподаватель права Европейского Союза и международного права Миланского университета.

1954 г. о защите *культурных ценностей* в случае вооруженного конфликта[2]. Через пятнадцать с лишним лет этот термин был употреблен в Конвенции 1970 г. Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на *культурные ценности*[3]. То же самое имеет место во втором Протоколе к Гаагской конвенции 1954 г. о защите *культурных ценностей* в случае вооруженного конфликта от 26 марта 1999 г.[4], применяемом как к международным, так и к немеждународным вооруженным конфликтам. В отличие от вышеупомянутых документов, в Конвенции ЮНИДРУА от 24 июня 1995 г. о похищенных и незаконно вывезенных культурных ценностях употребляется английское выражение *cultural objects*[5]. При этом интересно отметить, что большинство авторов-юристов, в том числе и участвовавших в написании этой Конвенции, в комментариях к ней пользуются термином cultural property[6]. [В русскоязычном варианте вышеупомянутых документов и в заголовке

1 См. Anna Przyborowska-Klimczak, «Les notions de «biens culturels» et de «patrimoine culturel mondial» dans le droit international», *Polish Yearbook of International Law*, Vol. XVIII, 1989-1990, p. 51; Lyndell Prott and Patrick J. O'Keefe, «»Cultural heritage» or «cultural property»?», *International Journal of Cultural Property*, Vol. 1, 1992, p. 307; Roger O'Keefe, «The meaning of «cultural property» under the 1954 Hague Convention», *Netherlands International Law Review*, Vol. XLVI, 1999, p. 26; Janet Blake, «On defining the cultural heritage», *International and Comparative Law Quarterly,* Vol. 49, 2000, p. 61.

2 Курсив автора.

3 Курсив автора.

4 Курсив автора.

5 Курсив автора.

6 См., например, Kurt Siehr, «The Unidroit Draft Convention on the International Protection of Cultural Property», *International Journal of Cultural Property*, Vol. 1, 1992, p. 321; Riccardo Monaco, «Primo commento della Convenzione di Roma sui beni culturali rubati o illecitamente esportati», *Rivista di studi politici internazionali*, Vol. 62, 1995, p. 500; Marina Schneider, «La Convention Unidroit sur les biens culturels volés ou illicitment exportés», *Nouvelles de l'ICOM*, Vol. 49, 1995, p. 18; Vieira Loureiro, «A protesão international dos bens culturais: uma nova perspective», *Revista dos Tribunais*, 1995, p. 364; Ridha Fraoua, «Projet de Convention de l'Unidroit sur le retour international des biens culturels volés ou illicitment exportés», *Aktuelle Juristische Praxis*, 1995, p. 317; Pierre Lalive, «Une avancée du droit international: la Convention de Rome d'Unidroit sur les biens culturels volés ou illicitment exportés», *Revue de droit uniforme*, vol. 1, 1996, p. 40; Manlio Frigo, «La convenzione dell'Unidroit sui beni culturali rubati o illecitamente esportati», *Rivista di diritto internazionale privato e processuale*, Vol. 32, 1996, p. 435; Manlio Frigo, *La circolazione internazionale dei beni culturali. Diritto internazionale, diritto comunitario, diritto interno*, Giuffré, Milano, 2001.

Конвенции ЮНИДРУА выражения cultural objects и cultural property переводятся одинаково — культурные ценности. — *Здесь и далее в квадратных скобках даются примечания переводчика.*]

В других правовых документах фигурирует понятие «наследия», в том числе в некоторых международных соглашениях, выполнение которых контролирует Совет Европы, например, в Европейской конвенции 1969 г. об охране археологического наследия и Конвенции 1985 г. об охране архитектурного наследия Европы. Тем не менее, не следует считать, что такой выбор терминологии отражает теоретический подход, характерный для данной международной организации, поскольку это же понятие — в отличие от ранее использованных ею понятий — использует и ЮНЕСКО в Конвенции 1972 г. о защите всемирного *культурного и природного наследия*[7]. Это же понятие встречается в формулировке более поздней Конвенции ЮНЕСКО об охране подводного *культурного наследия* от 2 ноября 2001 г.,[8] в Конвенции ЮНЕСКО об охране нематериального *культурного наследия* и в Декларации ЮНЕСКО, касающейся преднамеренного разрушения *культурного наследия* (два последних документа от 17 октября 2003 г.)[9].

Очевидно, что понятие культурного наследия по сравнению с понятием культурных ценностей имеет более широкие рамки, поскольку оно подразумевает «наследство, которое должно быть сохранено и передано будущим поколениям»[10]. Понятие культурных ценностей, напротив, «неадекватно и не соответствует понятию культурного наследия по охватываемым предметам»[11], так как в него не входят нематериальные элементы культуры (танцы, фольклор, и т.д.), которые, как в последнее время считается, подлежат международно-правовой защите. Это явно следует из текста статьи 2 вышеупомянутой Конвенции об охране нематериального *культурного наследия* от 17 октября 2002 г., где в определение «нематериального культурного наследия» включаются обычаи, формы представления, знания и навыки, а также связанные с ними инструменты,

7 Курсив автора.

8 Курсив автора. См. Roberta Garabello and Tullio Scovazzi (eds.), *The Protection of the Underwater Cultural Heritage: Before and after the 2001 Unesco Convention*, Martinus Nijhoff Publishers, Leiden, 2003.

9 Курсив автора.

10 См. Blake, *op. cit.* (примечание 1), p. 67.

11 См. Prott and O'Keefe, *op. cit.* (примечание 1), p. 319.

предметы, артефакты и пространства, признанные сообществами, группами и, в некоторых случаях, отдельными лицами в качестве части их культурного наследия.

Вне зависимости от национального правового режима государственной или частной собственности охрана культурных ценностей, разумеется, регулируется положениями вышеупомянутых международных соглашений, касающихся обращения движимого имущества, т.е. предметов искусства и объектов, представляющих художественный, исторический и археологический интерес. Такие ценности могут рассматриваться и рассматриваются как части понятия культурного наследия, охрана которого «может распространяться на гораздо больше составляющих, в том числе нематериальных»[12]. С другой стороны, эквиваленты английского термина cultural property в других языках (например, beni culturali), безусловно, включают не только недвижимость, но и нематериальные элементы, по крайней мере, для стран континентального права.

Хотя во внутригосударственном законодательстве, предоставлявшем правовую защиту задолго до принятия международных документов, часто употреблялись такие термины, как памятники, объекты древности, места раскопок, в английском языке термин cultural property, который был задуман для обозначения объектов, созданных человеком, имеет сегодня более широкое применение.

Следует подчеркнуть, что в рассматриваемой нами области существуют серьезные трудности с различными языковыми вариантами терминов, поскольку они далеко не всегда служат правильным переводом одного и того же понятия. Дело не в том, что на разных языках по-разному выражается одно и тоже понятие, а в том, что гораздо серьезнее, что существуют разные правовые концепции. Это особенно касается английского термина cultural property, который обычно переводится такими терминами, как bien culturels, beni culturali, bienes culturales, Kulturgut и bens culturais. С одной стороны, эти термины служат его эквивалентом в других языках, а с другой, — могут слегка отличаться от него по своему юридическому смыслу в контексте правовых систем соответствующих стран, и это отличие может быть значительным.

12 См. Blake, *op. cit.* (примечание 1), p. 67.

То же самое относится к термину cultural heritage (культурное наследие): такие выражения, как patrimoine culturel, patrimonio culturale и patrimynio cultural не соответствуют ему в точности.

Следовательно, одна из трудностей, которую следует учитывать при составлении международного документа на двух аутентичных языках, например, английском и французском, состоит в том, что различные языковые версии должны не только передавать один и тот же смысл, но и, что не менее важно, отражать различные правовые традиции.

Пример неправильного составления документов: различные аутентичные тексты Договора о Европейском сообществе[13]

Опыт Европейского союза свидетельствует о том, как неточное составление различных аутентичных текстов договора может привести к неверному пониманию его предмета.

За исключением статьи 151 Договора о Европейском сообществе, содержащей общее положение о культурном сотрудничестве между сторонами и дающей неопределенную ссылку на «общее культурное наследие» государств-членов, единственное положение Договора, явным образом связанное с обращением предметов искусства, содержится в статье 30. Важно отметить, что, во-первых, статья 30 относится к части 3 («Политика в отношении населения»), раздела 1 («Свободное движение товаров»), главы 2 («Запрещение количественных ограничений между государствами – членами») Договора о Европейском сообществе, а во-вторых, статьи 28 и 29 конкретизируют принципы, содержащиеся в статье 14 о прогрессивном учреждении внутреннего рынка, а статья 23 о таможенном союзе охватывает всю торговлю товарами, устанавливая две общие нормы, запрещающие количественные ограничения как на импорт, так и на экспорт, а также все меры, имеющие равнозначные последствия.

13 Как известно, первый Договор о Европейском сообществе, учредивший Европейское экономическое сообщество, был подписан 25 марта 1957 г. в Риме и вступил в силу 1 января 1958 г. Затем в него были внесены поправки, оформленные в Договоре о Европейском союзе, подписанном 7 февраля 1992 г. в Маастрихте и вступившем в силу 1 ноября 1993 г. (этот договор переименовал Европейское экономическое сообщество в просто Европейское сообщество), затем в Амстердамском договоре, подписанном 2 октября 1997 г. и вступившем в силу 1 мая 1999 г. (этот договор, среди прочего, изменил нумерацию статей Договора о Европейском сообществе), и, наконец, в Ниццском договоре, подписанном 26 февраля 2001г. и вступившем в силу 1 февраля 2003 г.

Совершенно ясно, что в таком контексте статья 30 освобождает от ответственности в отношении вышеупомянутых общих принципов и норм, поскольку она устанавливает, что положения статей 28 и 29 как не снимают запретов или ограничений на импорт, экспорт или транзит товаров, основанных на соображениях общественной морали, общественной политики или общественной безопасности, так и не обязывают охранять национальные сокровища, имеющие художественную, историческую или археологическую ценность.

В этом отношении первая проблема толкования, тесно связанная со смыслом статьи 30 в различных аутентичных текстах Договора, может возникнуть в связи с соответствующими отклонениями от количественных ограничений на экспорт, импорт и транзит товаров и с тем, как это повлияет на полномочия государств-членов. Дело в том, что, согласно итальянскому (испанскому, португальскому) тексту статьи 30 Договора, положения статей 28 и 29 (ранее, до вступления в силу Амстердамского договора, – статьи 34 и 30) не устраняют запретов или ограничений на импорт, экспорт или транзит товаров, основанных, среди прочего, на соображениях охраны patrimonio artistico, storico o archeologico nazionale, (patrimonio artístico, histórico o arqueolygico nacional, património nacional de valor artístico, histórico, ou arqueológico) [национального художественного, исторического и археологического наследия (на русский язык patrimonio переводится как наследие)]. Другие же аутентичные тексты (в частности, английский и французский) указывают на защиту national treasures of artistic, historic or archaelogical value и trésors nationaux ayant une valeur artistique, historique ou archéologique [национальных сокровищ, имеющих художественную, историческую и археологическую ценность (на русский язык treasures переводится как сокровища)][14].

Иными словами, очевидно, что выражения national heritage [национальное наследие] и national treasures [национальные сокровища] отражают два различных понятия. Следовательно, в соответствии с итальянским, испанским и португальским текстами национальные власти изначально обладают более широкими дискреционными полномочиями

14 Кавычки автора. Немецкий текст статьи 30 Договора о Европейском сообществе немного иной, поскольку в нем речь идет о «Kulturgu[t] von künstlerischem, geschichtkichem oder archäologischem Wert» [на русский язык Gut переводится как собственность].

на определение категорий предметов, подпадающих под национальные нормы об охране, в частности, об ограничениях на их перемещение; другие же аутентичные тексты, как нам кажется, предоставляют менее широкие полномочия.

Существование довольно серьезных различий между аутентичными текстами международного договора, разумеется, неудивительно. Это подтверждается специальной обычной нормой о толковании, закрепленной в Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. Статья 33, пункт 4 этой Конвенции устанавливает, что, за исключением того случая, когда договором явно предусмотрено, что преимущественную силу имеет какой-либо один определенный текст, «если сравнение аутентичных текстов обнаруживает расхождение значений, которое не устраняется применением статей 31 и 32 [других связанных с этим норм Конвенции — *слова автора*], принимается то значение, которое, *с учетом объекта и целей договора*, лучше всего соответствует этим текстам»[15].

Если толковать статью 30 Договора о Европейском сообществе в свете этой нормы, то напрашивается заключение, что, в отличие от английского и французского текстов, итальянский, испанский и португальский тексты договора не строго соответствуют статье 33 Венской конвенции. Дело заключается в том, что статья 30 Договора содержит ограниченное число отклонений от общих норм, изложенных в статье 28 (ранее статья 30), предписывающей снятие количественных ограничений на импорт и все действия, имеющие равнозначные последствия, и в статье 29 (ранее статья 34), предписывающей снятие количественных ограничений на экспорт и все действия, имеющие равнозначные последствия. Иными словами, положения статьи 30 являются отступлением от обычных применяемых норм и поэтому не могут толковаться широко без ущерба как для правовых рамок Договора, так и для уравновешивания обязательств, вытекающих из Договора, и прерогатив государств-членов.

15 Курсив автора.

Национальное наследие и национальные сокровища: толковательная роль Европейского суда

Можно возразить, что даже если вышеупомянутые нормы толкования применяются к Договору о Европейском сообществе, этот договор предусматривает лишь один институт, имеющий право на законных основаниях толковать его положения, — Европейский суд. Согласно установившейся правовой практике, Суд, фактически повторяя позицию Венской конвенции, утверждает, что один языковой вариант многоязычного текста права Европейского союза не может главенствовать над всеми остальными, поскольку в целях унифицированного применения норм, действующих в рамках Европейского союза, их следует толковать в реальном соответствии с замыслом и задачами их составителей и с учетом всех языковых вариантов[16]. Кроме того, различные языковые варианты положения права Европейского союза должны толковаться единообразно, поэтому в случае расхождений между этими вариантами вышеназванное положение должно толковаться в соответствии с целью и общим замыслом тех норм, к которым оно относится[17].

В силу общего принципа, изложенного в статье 23 (бывшая статья 9) о свободном движении товаров и таможенном союзе, на котором основано Европейское сообщество, и вышеупомянутых статей 28 и 29 Договора о Европейском сообществе, где явным образом указывается цель устранения препятствий для свободного движения товаров, отступления, установленные, например, статьей 30 Договора, только подтверждают ограничения на импорт, экспорт и транзит товаров, вытекающие из значения более ограничительных терминов, использованных в английском и французском текстах. Из этого, безусловно, следует, что в соответствии с объектом и целью Договора распространение внутригосударственных запретов или ограничений на категории объектов, подпадающих под определение national heritage [национальное наследие], но не под бо-

16 См. в частности Case $_{29/69}$, *Stauder* (1969) ECR$_{419}$, para. 3; Case C-219/95, *Ferriere Nord v. Commission* (1997), ECR I-4411, para. 15; Case C-26$^{8}/_{99}$, *Aldona Malgorzata Jany and Oth. v. Staatssecretaris van Justitie* (2001), ECR, para. 47.

17 См. в частности Case C-$_{449/93}$, *Rockfon* (1995), ECR I-$_{4291}$, para. 28; Case C-$_{236/97}$, *Skatteministeriet v. Codan* (1998), ECR I-86$_{79}$, para. 28; Case C-$_{257/00}$, *Nani Givane v. Secretary of State for the Home Department* (2003), ECR, para. 37.

лее ограничительное понятие national treasures [национальные сокровища], не было бы достаточно оправданным.

Вероятно, можно было бы утверждать, что произведения искусства и культурные объекты вряд ли можно причислять к товарам по смыслу Договора о Европейском сообществе. В отношении этого Суд заявил, что культурные объекты следует рассматривать как товары по смыслу статей 28, 29, и 30 Договора, коль скоро они подлежат экономической оценке и могут стать источником прибыли. Поэтому, по мнению Суда, они должны подпадать под нормы, регулирующие общий рынок, с теми лишь исключениями и отклонениями, которые предусмотрены Договором[18].

Подход Европейского сообщества подтверждается на нормативном уровне, но проблема толкования статьи 30 Договора не решена

Европейское сообщество подтвердило этот подход в более поздних нормах, принятых с целью усиления защиты культурных ценностей на европейском уровне. В Положении 3911/92 об экспорте предметов [goods] культуры, принятом Советом министров, и в Директиве 93/7 о возврате объектов [objects] культуры, незаконно вывезенных с территории государства-члена, их применимость определяется главным образом ссылкой на приложение, в котором подробно перечисляются категории культурных объектов, подпадающих под соответствующую сферу применения.

Упомянутое Положение предусматривает единую систему контроля на границах государств Сообщества, предотвращающую экспорт предметов культуры. Такая система позволяет компетентным (культурным и таможенным) властям государств-членов, с территории которых культурные ценности должны экспортироваться в страну, не входящую в Европейское сообщество, учитывать интересы другого государства-члена. Как утверждает Европейская комиссия, «это объясняется тем, что при отсутствии такого контроля и отмене проверок на границах между странами — членами Сообщества национальные сокровища могут быть неза-

18 См. Case 7/68, *Commission v. Italy* (1968), ECR 562.

конно перемещены с территории одного государства-члена и предъявлены на таможне другого государства-члена и таким образом беспрепятственно вывезены в третью страну»[19]. Директива дополняет этот превентивный документ, предусматривая механизмы и процедуру возврата национальных сокровищ, незаконно вывезенных с территории государства-члена. Важно подчеркнуть, что цель Положения — предотвратить неконтролируемый вывоз национальных сокровищ с территории государства-члена, а цель Директивы — возвратить такие сокровища государству-члену, которому они принадлежали до того, как были незаконно вывезены оттуда[20].

Что касается сферы применения, то следует отметить, что действие Положения 3911/92 распространяется на предметы культуры, перечисленные в его Приложении; предметы культуры подразделяются на 14 категорий, включающих археологические объекты, картины, гравюры, книги, фотографии и т.д. Критериями квалификации предметов как «культурных объектов», изменяющимися в зависимости от категорий, являются возраст (превышающий 100, 75 или 50 лет, в зависимости от конкретного случая) и минимальная денежная стоимость предметов (от 0 евро за некоторые предметы культуры до 150 тыс. евро за картины)[21]. Директива 93/7 распространяется на предметы культуры, относящиеся к категориям, перечисленным в Приложении к ней (т.е. те же самые объекты, которые перечислены в Приложении к Положению), которые классифицируются как национальное сокровище, обладающее художественной, исторической или археологической ценностью в соответствии с законодательной или административной процедурой государств-членов. За исключением государственных коллекций и объектов, принадлежащих церковным учреждениям, национальные сокровища, не являющиеся предметами культуры по смыслу Приложения, исключены

19 См. Report from the Commission to the Council, the European Parliament and the Economic and Social Committee on the implementation of Council Regulation /EEC) n. 3911/92 on the export of cultural goods and Directive 93/7/EEC on the return of cultural objects unlawfully removed from the territory of a Member State, (далее *Report*), Brussels, 25.05.2000, CDM (2000) 325, p. 3.

20 *Ibid*.

21 Приложение к Директиве 93/7 поясняет, что «под денежной стоимостью объекта подразумевается его денежная стоимость в соответствующем государстве-члене».

из Директивы и таким образом подпадают под национальное законодательство государств — членов в соответствии с положениями Договора[22].

Решение ввести критерий минимальной финансовой стоимости вызвало целый ряд возражений, которые, вероятнее всего, получат широкую поддержку. С другой стороны, даже в тех случаях, когда эти две основные нормы Европейского сообщества применимы, нельзя не учитывать статью 30 Договора[23]. В этом смысле, статья 1 Положения 3911/92 весьма определенно гласит, что для целей Положения термин «предметы культуры» относится к предметам, перечисленным в Приложении, «без ущерба для полномочий государств-членов, определяемых статьей 30 (ранее 36) Договора».

В связи с этим вновь встает вопрос: какой вариант статьи 30 следует применять?

Задача определения интересов и ценностей, подлежащих международной защите

Вышеприведенный пример свидетельствует о том, что, учитывая почти неизбежные лингвистические различия между аутентичными текстами международных документов и вытекающие из них различия в правовых значениях, следует уделить серьезное внимание необходимости точного определения интересов, которые при некоторых обстоятельствах защищает соответствующая норма. В связи с этим следует подчеркнуть, что не существует универсального определения понятий cultural heritage (patrimonio culturale, patrimoine culturel) [культурное наследие] или cultural property (beni culturali, biens culturels) [культурные ценности], поскольку любое многоязычное соглашение дает собственное определение этих понятий, чтобы обозначить конкретную сферу применения своих норм. Однако фактическое существование множества различных определений как на национальном, так и на международном уровне не исключает возможности обозначить интересы и ценности, которые надлежит защищать на международном уровне[24].

22 См. *Report*, p. 4.

23 См. статью 1 Положения 3911/92 и статью 1 Директивы 7/93.

24 См. Manlio Frigo, *La protezione dei beni culturali nel diritto internazionale, Giuffré*, Milan, 1986, p. 135.

Поэтому понятие property [ценности, достояние, собственность], как и почти эквивалентные ему понятия bene/bien, вполне может заменить ряд различных терминов, таких, как objects [объекты, предметы], monuments [памятники], movables [движимое имущество] и т.д. Понятие «культурный» охватывает различные квалифицирующие критерии: «художественный», «исторический», «археологический», «этнографический» и т.д. Кроме того, понятия культурных ценностей и культурного наследия — как на национальном, так и на международном уровне — могут рассматриваться как эквивалентные, по крайней мере с учетом того, что оба эти понятия неполны и для более точного определения их содержания приходится обращаться к другим, неюридическим дисциплинам (истории, археологии, этнографии и т.д.). Существующие в рассматриваемой нами области международные соглашения и другие правовые документы часто устанавливают различные критерии определения (общественных) интересов, которые подлежат защите. Основными критериями являются фактор времени (например, возраст рассматриваемых ценностей, конкретная дата или период), важность или ценность объекта и точное перечисление (список) предметов, подлежащих защите[25].

Нелишне вспомнить, что понятия культурного наследия и культурных ценностей практически никогда не фигурируют в одном и том же правовом тексте как дополняющие друг друга. Почти единственным исключением стал проект Европейской конвенции 1985 г. об охране подводного культурного наследия, подготовленный специальной Комиссией экспертов и представленный Совету министров Совета Европы, где в пункте 1 статьи 1 говорится: «Для целей настоящей Конвенции все останки, объекты и другие следы человеческого существования ... рассматриваются как часть подводного культурного наследия и далее будут именоваться «подводными культурными ценностями»[26]. Примечательно, что окончательный текст статьи 1 Конвенции ЮНЕСКО 2001 г. об охране подводного культурного наследия расходится с текстом проекта и дает

25 *Ibid.*, p. 26.

26 См. Council of Europe, Draft Convention on the Protection of the Underwater Cultural Heritage and Explanatory Report, DOC. CAHAQ (85) 5, Strasbourg, 23 April 1985 и более подробно Janet Blake, «The protection of the underwater cultural heritage», in *International and Comparative Law Quarterly*, Vol. 45, 1996, p. 819.

совершенно иное определение, основанное исключительно на понятии подводного культурного наследия[27].

В самом деле, в большинстве случаев существует тенденция к использованию одного из этих двух выражений, хотя некоторые считают, что использование и того и другого было бы более целесообразно, поскольку они были бы строго взаимодополняющими. С их точки зрения, культурное наследие — абстрактное и идеальное понятие, а ценности — более конкретное, и что достичь основной цели — охраны культурного наследия — можно только охраняя конкретные и материальные свидетельства культуры, т.е. культурные ценности[28].

Чтобы отразить иную точку зрения, следует добавить, что понятие cultural property/bien culturel [культурные ценности] отнюдь не эквивалентно понятию cultural heritage/patrimoine culturel [культурное наследие]. Считается, что первое понятие должно быть дополнено с помощью определения его фактических и правовых связей со вторым. Важную роль в обеспечении правовой защиты конкретных культурных ценностей может играть определение их связи с конкретным сообществом. Для этого требуется выяснить, к какому культурному наследию относятся данные ценности. Вопрос о том, является наследие национальным или международным, не только влечет за собой проблему определения применимых норм, но и требует глубокого анализа предмета, который выходит далеко за рамки этой короткой статьи[29].

В любом случае, невозможно в рассматриваемой нами области придерживаться принципа общего наследия всего человечества, с точки зрения либо культурных ценностей, либо культурного наследия, и применять соответствующий правовой режим. Такое заключение верно невзирая ни на какие подчеркнутые упоминания об этом режиме, которые де-

27 Согласно статье 1 Конвенции, «(a) “Подводное культурное наследие” означает все следы человеческого существования, имеющие культурный, исторический или археологический характер, которые частично или полностью, периодически или постоянно находятся под водой на протяжении не менее 100 лет, такие, как…»

28 См. Vittorio Mainetti, «The UNESCO Convention on the Protection of the Underwater Cultural Heritage: A commentary», текст имеется у автора, с. 23.

29 См. John Henry Merryman, «Two ways of thinking about cultural property», *American Journal of International Law,* Vol. 80, 1986, p. 831; *Ibid*., «The Nation and the Object», *International Journal of Cultural Property*, Vol. 3, 1994, p. 61.

лаются в некоторых международных конвенциях, например, в Гаагской конвенции 1954 г. о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта или Парижской конвенции 1972 г. об охране всемирного культурного и природного наследия[30]. В подобных случаях за полным формальным совпадением аутентичных текстов на различных языках скрывается существенная правовая неточность.

30 В преамбуле к Гаагской конвенции 1954 г. говорится о cultural heritage of mankind/patrimoine culturel de l'humanité [культурном наследии всего человечества], тогда как в Парижской конвенции речь идет более конкретно о понятии world heritage of mankind/patrimoine mondial de l'humanité [всемирном наследии человечества], в связи с чем встает вопрос о том, применяется ли правовой режим, регулирующий сферу общего наследия человечества, к рассматриваемой нами области. Отрицательный ответ на этот вопрос содержится в работе Frigo, *op. cit*. (примечание 24), p. 283.